

и находит в Сибири (по аналогии с «иными странами») некоего «Сибиряцаря», заведомо зная, что такового не существовало.¹²

«Неловкость» подобного построения С. У. Ремезов пытается исправить в центральной части своего сочинения, в самом «Подобии», где излагается новое толкование слова «Сибирь», «согласно обруч твердой вокруг по нам». Этот обруч «венчает» главу ангела, которому «уподобляет» писатель Сибирь.

Называя свое сочинение «Уподоблением», С. У. Ремезов тем самым заставляет нас обратиться к риторикам «барокко», так как именно в них «Уподобление» зафиксировано как один из приемов, используемых авторами произведений ораторской прозы. Тем более что С. У. Ремезов не раз подчеркивал свое знакомство с «различными херографы, космографы, хронографы и риторики прознание». Однако, несмотря на то что писатель формально усвоил ряд приемов «риторических сочинений», он, не имея профессионального образования, столь необходимого для овладения сложными архитектурно-словесными построениями ораторской прозы, оформляет свое произведение в русле традиций русской литературы предыдущих веков, близких ему еще по «Истории сибирской».

Один из основных приемов, используемых Ремезовым, — прием аллегии. Притом совершенно в соответствии с требованиями «риторик» — аллегория не должна быть полной — С. У. Ремезов строит свое произведение на «двухчастных» предложениях: «десная рука» — палатный разряд, «шуица с персты — Березов с подрабцы» и т. д. Общая аллегория — «Сибирь удобие мирный ангел» — распадается на ряд «символов», обозначающих части Сибири. Этими символами становятся вполне «реальные» части фигуры ангела: глава, длани, золотая одежда, торок и т. д. Сам символ «произносится» автором в «высоких» словах: длань, десная рука, шуица, шуге крыло, два рамена ангельских и т. д. Реализацию этих символов Ремезов ведет в разговорных тонах: «десная рука — полатной разряд, на длани имуще — нижней посад с дородством всяких припасов и торгов» («Чудесная статья»); «десная рука с персты — угодные слободы с есты» и т. д.

Иногда в языковом отношении обе части «двусложных» построений выравниваются, однако не в пользу «книжности»: «теплостная шуба — Колыма до Гиляк»; «во все страны летячая стрела — тоболяк езда». И совсем уже в «пословичном» духе Ремезов пишет: «Булатный лук — сибирский нрав».

Становится совершенно очевидным, что приемы прозы «барокко» фактически далеки от «аллегорий» С. У. Ремезова. Как и в предыдущих частях сочинения, писатель свободно соединяет в повествовании элементы книжности и народного, разговорного, а иногда и делового языка, что совершенно не допускалось теоретиками «барокко». Наряду с эпитетами двусложными, чаще всего встречающимися в риторических произведениях: златоцарская (честь), благопотребная (земля), златоразрядный (град), благоухищенный (муж) и т. д., — С. У. Ремезова привлекает и простой эпитет: золотое (слово), булатный (лук), красный (сапог), теплостная (шуба) и т. д.

Тем не менее знакомство С. У. Ремезова с риториками «барокко» вполне очевидно. Он знает «уподобление», использует аллегии, цитирует космографы, прибегает к историческим параллелям из хронографов,

¹² Подтверждением этого является ремезовское этнографическое «Описание Сибири» (1698), в исторической части которого он по татарским летописям излагает историю Белой орды с момента ее образования и до падения. Никакого «Сибиряцаря» здесь не упоминается.